

О том, как появилась эта книга.

Она возникла из двух вещей: из разговоров и «подвешенных» книг в магазине электронных книг.

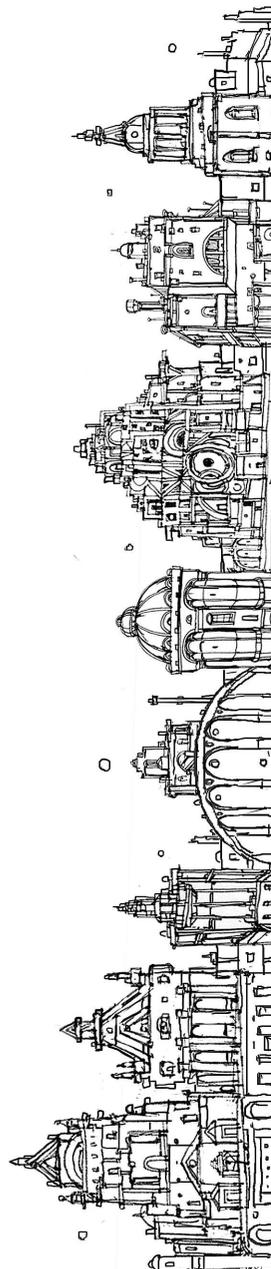
Что такое «подвешенная» книга?

На сайте электронных книг Макса Фрая есть страница, которая называется «чашка Фрая»*. Любой человек может зайти на сайт и оплатить одну или несколько электронных книг — чтобы кто-то другой, у кого нет денег или возможности платить онлайн, мог унести с сайта книжку из списка «чашки». По этому же принципу в некоторых кафе «подвешивается» чашка кофе — чтобы ее выпил кто-нибудь еще, кто угодно, зашедший с улицы.

О каждой из этих книг можно было бы отлично поговорить, подумал я, когда первый раз смотрел раздел «чашка Фрая». А потом подумал: а почему бы и нет.

Тогда я написал названия всех книг списка «чашки» на полосках бумаги, а полоски положил в шляпу. Их оказалось тридцать три («Энциклопедию мифов» и

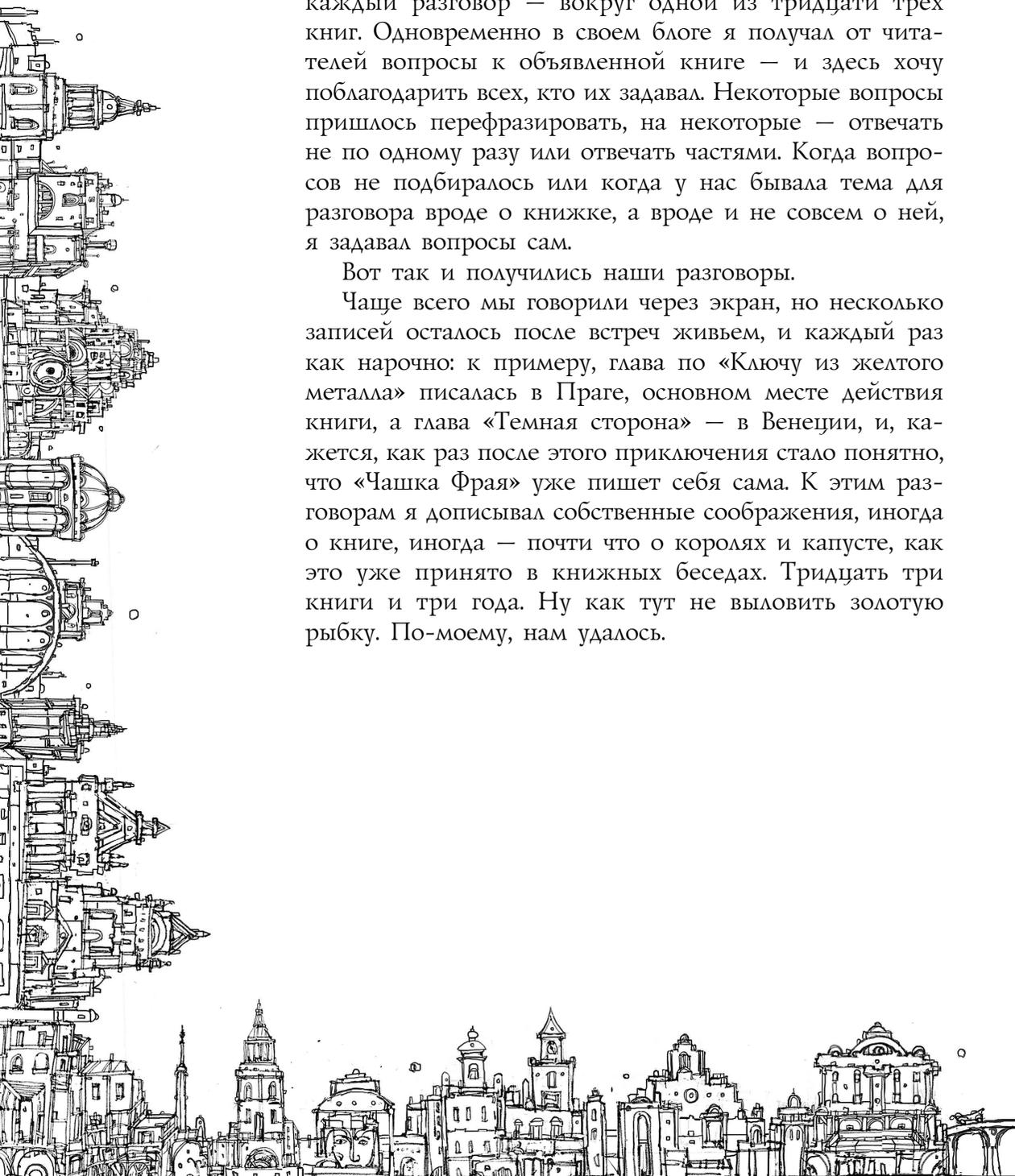
*Примечание МФ: «Чашка Фрая» появилась у нас благодаря подсказке читательницы Марины Поляковой, спасибо ей за эту идею.

«Первую и Вторую линии» я беру вместе, потому что было бы смешно сначала рассказывать о втором томе, а потом, полгода спустя, о первом). И в течение трех лет время от времени мы с автором вели разговоры, каждый разговор — вокруг одной из тридцати трех книг. Одновременно в своем блоге я получал от читателей вопросы к объявленной книге — и здесь хочу поблагодарить всех, кто их задавал. Некоторые вопросы пришлось перефразировать, на некоторые — отвечать не по одному разу или отвечать частями. Когда вопросов не подбиралось или когда у нас бывала тема для разговора вроде о книжке, а вроде и не совсем о ней, я задавал вопросы сам.

Вот так и получились наши разговоры.

Чаще всего мы говорили через экран, но несколько записей осталось после встреч живьем, и каждый раз как нарочно: к примеру, глава по «Ключу из желтого металла» писалась в Праге, основном месте действия книги, а глава «Темная сторона» — в Венеции, и, кажется, как раз после этого приключения стало понятно, что «Чашка Фрая» уже пишет себя сама. К этим разговорам я дописывал собственные соображения, иногда о книге, иногда — почти что о королях и капусте, как это уже принято в книжных беседах. Тридцать три книги и три года. Ну как тут не выловить золотую рыбку. По-моему, нам удалось.

Чашка первая

«Горе господина Гро»

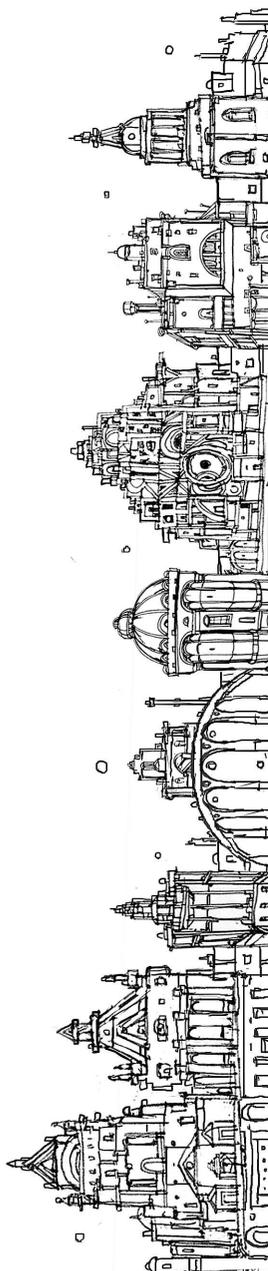
Я не буду говорить о всей книжке, а только о двух центральных парах, двух родителях, очень разных во всем и очень похожих в одном: они оба сделали своих детей не по любви.

Один — в бесконечном нарциссизме, а второй — в бесконечном горе.

То и другое у нормальных людей объединяет непрожитая травма, и, в общем, как все нормальные люди, ни Хумха, ни Габа не смогли с нею справиться самостоятельно. Хумха Йох — чуть ли не образец родителя-нарцисса, но его нарциссический склад личности проявился, как я понимаю, задолго до рождения сына. Габа Гро, лекарь, потерявший любимую жену, — человек, настолько далекий от эгоизма, насколько возможно, — превращается в нарцисса, слепого, глухого, ничего не желающего знать об истинном положении дел, — когда позволяет своему горю занять все имеющееся пространство.

Про Хумху можно сказать, что он позволяет то же самое своему безумию. И, по-моему, это для колдуна совершенно равно горю.

Что делает горе? Оно ищет кого-то, кто взял бы на ручки. И родитель-нарцисс (оба родителя в этой кни-

ге) «создает» себе ребенка, предполагая (в слепоте горя или безумия, а в обычном человеческом случае — просто травмы), что они с этим ребенком будут чем-то вроде сферического коня в вакууме — никаких вмешательств извне, никаких влияний, никаких действий наружу. Родитель создаст ребенка, тот будет его вечным утешением. Он никуда от родителя не денется — внешнего мира не существует, куда ему деваться.

Казалось бы, если так сильно болит, что тебе нужно постоянное болеутоляющее — попробуй вылечить. Обратись к кому-то.

Но, во-первых, внешнего мира не существует, во-вторых — он враждебен.

И будь ты детский врач или один из самых могущественных колдунов Мира — исход один и тот же, сидеть тебе в своем горе или безумии, пока не умрешь или не случится что-то, что выбьет тебя из кокона.

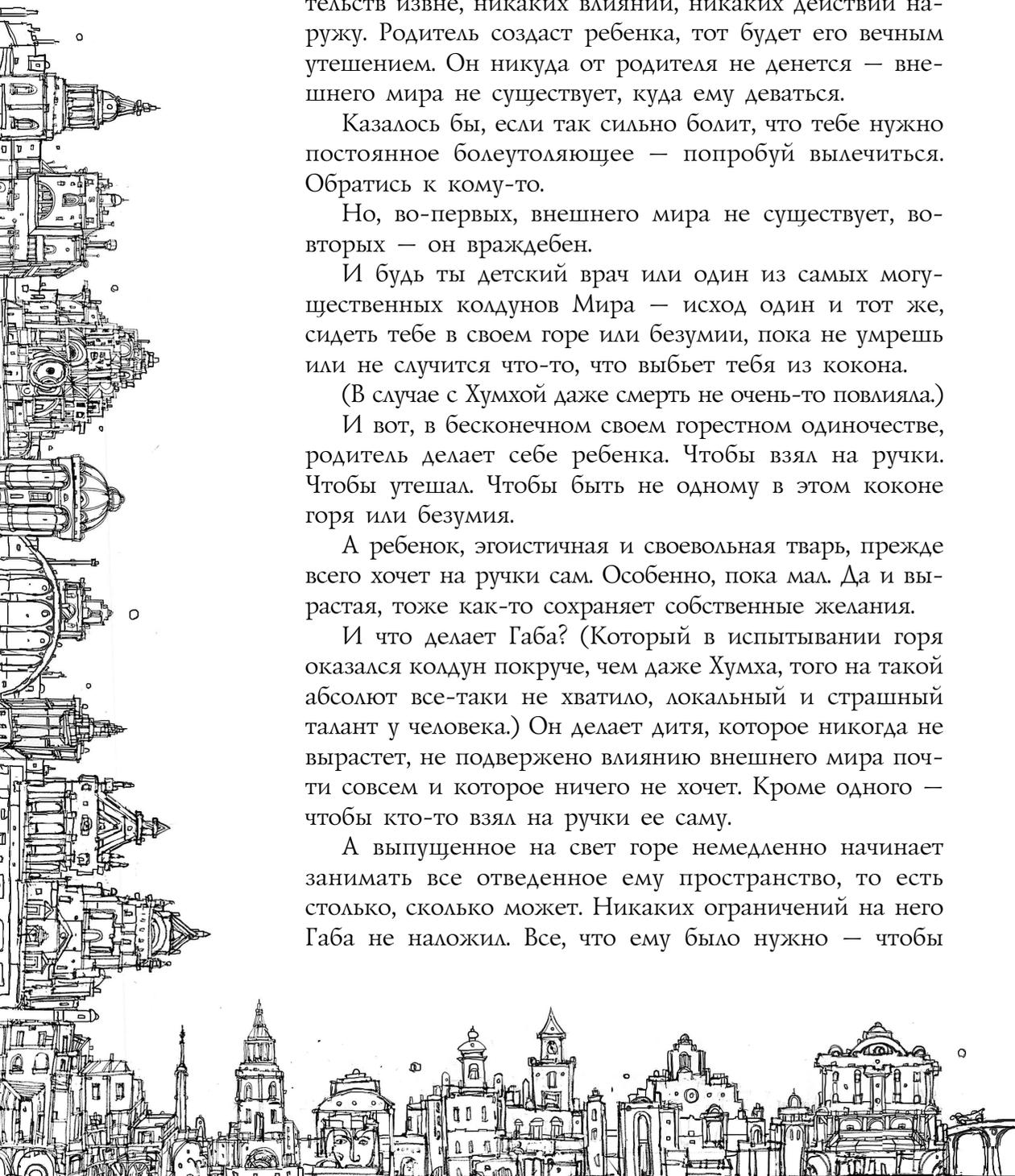
(В случае с Хумхой даже смерть не очень-то повлияла.)

И вот, в бесконечном своем горестном одиночестве, родитель делает себе ребенка. Чтобы взял на ручки. Чтобы утешал. Чтобы быть не одному в этом коконе горя или безумия.

А ребенок, эгоистичная и своевольная тварь, прежде всего хочет на ручки сам. Особенно, пока мал. Да и вырастая, тоже как-то сохраняет собственные желания.

И что делает Габа? (Который в испытывании горя оказался колдун покруче, чем даже Хумха, того на такой абсолют все-таки не хватило, локальный и страшный талант у человека.) Он делает дитя, которое никогда не вырастет, не подвержено влиянию внешнего мира почти совсем и которое ничего не хочет. Кроме одного — чтобы кто-то взял на ручки ее саму.

А выпущенное на свет горе немедленно начинает занимать все отведенное ему пространство, то есть столько, сколько может. Никаких ограничений на него Габа не наложил. Все, что ему было нужно — чтобы

полегчало и не возвращалось больше. Он остается слеп и глух к тому, что замечает уже весь город, и, скорее всего, если бы не вмешательство Джуффина, так бы и остался слеп и глух.

Он порождает на свет ущербное существо с единственной функцией: возьми меня на ручки. Так, как делают все травмированные родители. После чего это существо отправляется на поиски того, кто взял бы на ручки его. А поскольку в окружении таких не находится, порождает свое. А то — свое. Так появляются травмы. Жуткая штука на самом деле.

Кофе, сыну Хумхи, повезло в том, что, во-первых, был все-таки человек, а во-вторых — быстро сбежал. Если бы его папе пришла в голову идея слепить себе сына-голема, еще неизвестно, чем бы дело кончилось.

Но все схожие признаки налицо. Информация из внешнего мира не поступает или поступает в искаженном виде (его причитания по поводу карьеры и занятий сына), масса усилий тратится на то, чтобы устранить из общего с ребенком пространства как можно больше народу (будь его воля, Хумха бы всех разогнал, другое дело, что у призраков не так велики возможности, но припомните-ка, какими словами описывает любая мама-нарцисс подруг или приятелей своего ребенка, если ей хоть на минуту кажется, что они ребенку ценнее, чем она сама).

И никакая личная сила не спасает.

Вот так выглядит ад в чистом виде, ничем не контролируемый и не сдерживаемый — бери на ручки, дрянь, и заткнись.

И он тоже занимает все отведенное ему пространство, если ничего не делать.

Ну и на сладкое, то, что меня страшно развеселило в свое время — каждая книжка цикла все-таки игра, хоть и очень всерьез, и в каждой есть чисто иг-

ровые перевертыши. Вы никогда не задумывались, кто такой Абилат Парас, лучший лекарь всех времен и народов?

Айболит Парацельс.

А теперь вопросы к Макс Фраю.

Вопрос читателя: Мне бы хотелось узнать, почему Коба. Вот просто — почему он такой, явный диктатор, существует в книгах любимого мною автора, очень бережно относящегося к жизни. Но автор неоднократно говорил, что он вообще-то писатель-документалист, вообще ничего не придумывает — так что примем за рабочую гипотезу, что настоящий диктатор существует в Ехо, неплохо себя чувствует и дружит с королем. Это меня несколько смущает, но это тоже не вопрос. Нельзя же спрашивать: «А вот меня тут смущает — что мне с этим делать?»

М.Ф.: На самом деле формулировка: «А вот меня тут смущает — что мне с этим делать?» — практически идеальная. Потому что, да, совершенно верно, проблема всегда с нами, с нашим восприятием, с нашими интерпретациями. А не с кем-то (чем-то) снаружи, которое просто есть — вот такое, какое есть.

Идеальный ответ на этот идеальный вопрос — жить с этим. Это вообще нормально для человека — жить с противоречиями, неувязками, тем, что не укладывается в голове, бесит и обманывает ожидания. Мы на этих тренажерах накачиваем себе красивые сознания с рельефными мышцами духа. Ну или зарабатываем грыжи. Кто как. Это, собственно, и есть жизнь сознания, угасания которого так боится почти все человечество, включая истово верующих. Хотя бы поэтому имеет смысл наслаждаться всеми камнями, которые лежат у нас на душе, косвенно доказывая ее (души) существование.

